

ВЕНЕДИКТ
ЕРОФЕЕВ

*Записки
психопата*

18+

АЗБУКА-КЛАССИКА

Венедикт Ерофеев
Записки психопата

«Азбука-Аттикус»

1956

Ерофеев В. В.

Записки психопата / В. В. Ерофеев — «Азбука-Аттикус», 1956

Венедикт Ерофеев – писатель и драматург, автор гениальной поэмы «Москва—Петушки» (1970) и пьесы «Вальпургиева ночь» (1985) – явление в русской литературе огромное и еще не до конца осмысленное. В краткой автобиографии своим «первым заслуживающим внимания сочинением» Ерофеев называет «Записки психопата» (1956-1958), начатые в семнадцатилетнем возрасте, «самое объемное и нелепое из написанного». Долгое время «Записки» не публиковались, в то время как в своих интервью Ерофеев снова и снова подчеркивал, что считает этот текст достойным публикации, но едва ли верил в подобную возможность, поскольку «Записки» насыщены «неожиданными лексическими оборотами, мягко говоря». И действительно полный, тщательно выверенный текст «Записок психопата» увидел свет только в 2004 году. «Когда меня выгоняли из МГУ, – рассказывал в одном из интервью Венедикт Ерофеев, – я уже писал – чисто юношеские „Записки психопата“. Однокурсники, те, кто читал, говорили, что это невозможно, что так писать нельзя. „Ты, Ерофеев, хочешь прославиться на весь институт?“ А я в ответ: „У меня намерения намного крупнее!“» И разве мог иначе ответить на этот вопрос человек, слава которого уже давно преодолела пределы столицы и самих Петушков и чьи книги переведены более чем на тридцать языков мира. Содержит нецензурную брань

© Ерофеев В. В., 1956

© Азбука-Аттикус, 1956

Содержание

Дневник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Венедикт Ерофеев

Записки психопата

Текст публикуется с сохранением особенностей орфографии и пунктуации автора

© Венедикт Ерофеев (наследники), 2014

© В. Пожидаев, оформление серии, 1996

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Дневник
14 окт. 1956 г. – 3 янв. 1957 г.
I. «Записки сумасшедшего»

14 октября

Стопп, ...чёррт побери!

Интересно, какому болвану...

Какому дьяволу, спрашивается, интересно меня пугать в третьем часу...

В третьем ли?..

Да, вероятнее всего...

Гм, в третьем... Кто бы это мог быть... Кретинизм же это в конце концов, чорт побери...

Модернизм...

Модернизм? Ха-ха-ха-ха-ха...

Однако, милый мальчик... тебе слишком весело, я бы сказал... и совсем некстати...

Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна и что царственно величье...

Топ... топ... топ... топ... топ...

Топ... Однако. Веселость и романтическая интересуемость потихонечку покидают тебя, милый мальчик...

Мд-а-а, ...я бы сказал, романтическая обстановочка... ни одного огня... черно... черно, как в заднем проходе Антонины Григорьевны...

Опять оглянуться?

Гм.

А зачем?

Мне это даже начинает нравиться...

Нравиться?

Ха-ха! А ну-ка, проведи по лбу рукой, молчел...

А-а-ага!.. Гы-гы-гы... эх же ты вспотел, молчел... эх же у тебя художественно вибрируют конечности...

– Злорадствуешь?

– Смешно?

Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна и что...

Топ... топ... топ...

...царственно величье холодеющих могил...

15 октября

Ни хуя-а-а!

Алкоголь – спасение!

Ни хуя-а-а!

17 октября

«Выбитый из колеи и потому выжитый из университета и потому выживший из ума...»

Остроумная Григорьевна...

...лошадиный хуй ей в зубы...

18 октября

Сажрем этику!

Раздавим ее лошадиными зубами!

Утопим ее в безднах наших желудков и оскверним пищеварительным соком!
Зальем перцовой горькой настойкой!!
Ах-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

19 октября

Шестьсот? Гм. Шестьсот... Предел? Предел.

А то, может, Яуза...

23 октября

Бр-ред сивой кобылы...

24 октября

18/VIII. Кировск

– Брросим! Брросим!

– Не надо норм!

– Надо! Не больше 20-и строк и не меньше восьми!

– К дьяволу максимум!

– Все равно Венька перещепит!

– Ерунда!.. Итак, начнем! Ну, тише, что ли... Даем срок 15 минут!! Рифма и ритм обязательно!! Если хоть одна строка не кончается прилагательным, автор торжественно провозглашается кретином!

– Уррра!!!

– Занявший первое место провозглашается гением, шестое место – идиотом!

– Брось! Начнем! Все равно останешься идиотом!!

– Молчи, Абг'ам!

– Все! Тишина! Я уже засек!

– Ч-ч-ч-ч-ч-ч!

.....

– Все, братцы, кончаем! Пятнадцать минут прошло!

– Еще три минуты! Завершить...

– Хватит!!

– У меня бессмыслица, блядство какое-то!

– У всех, блядь, бессмыслица! Венька, читай первый...

– Да-ава-й!

– Только, извините, у меня слишком длинное... и вам недоступно будет...

– А у кого это доступно-то? Валяй!

– Хгм.

Хладнокровно-ревнивая,
Дева юная, страстная,
Дева страстно-прекрасная,
Боязливо стыдливая!
Все томишься, бессильная
Сбросить сети, сплетенные
Жуткой жизнью, – Могильною,
точно пропасть бездонная.

Точно пропасть бездонная,
Точно призраки странные,

Вас пугает туманное
Жизни счастье стесненное...
О не ждите неожиданного,
Не зовите далекого,
Навсегда одинокая
Дева страстно желанная!

Дева страстно желанная,
Вашу участь печальную
Не изменит, безумная,
Даже юность туманная
И мечтанья блестящие —
Не воскреснет бесцельное,
Не проснется мертвящее, —
Нет конца беспредельному!

Нет конца беспредельному, —
Беспредельность бесцельная, —
Как мечтанья бесплодные,
Как напрасность прекрасного,
Как бесстрастность свободного —
И опасность бесстрастного.
Только силы природные —
Сокровенность прекрасного!

Сокровенность прекрасного —
Только лик непрерывного,
Созерцание дивного
И обман сладострастного,
Только звуки желанного,
Море смутно-прекрасное,
Небо вечно-безмолвное,
Ожиданье неожиданного...

Ожиданье неожиданного,
Возрождение бесплодного...
Несказанно-туманная
Нежность силы природного
В вас разбудит желанное
Бытие несравненного,
Благодать неизменного, —
Так не жди же неожиданного!
Так не жди же неожиданного
И не требуй далекого,
Навсегда одинокая
Дева страстно желанная.
Дева смутно-прекрасная,
Боязливо-стыдливая,
До забвенья ревнивая,

До безумия страстная!!!

- Бррраво!
- Брррраво!
- Я свою ерунду отказываюсь читать!
- И я тоже!
- Ерофеев – гений! Урррра!!!

Кировск. 20. VIII

- Ну, сюжет давайте...
- Сюже-эт!!
- Давайте про убийство!..
- Эк ведь сюжетик!
- Ну-ка, Фомочка, начни!..
- Гы-гы...

Иду я однажды по шпалам...

- Ну, идешь, блядь...
- «А ночка темная была», да?
- Ну вас на хер...

Иду я однажды по шпалам, Вдруг... слышу пронзительный крик!

- На хуй! На хуй!
- Посентиментальней! Веньк! Действуй!

Вдруг, слышу пронзительный...

- На хуй! Образов нет! Венька! За 5 минут!

Последний солнца луч погас за камышами,
Безмолвье тайное окутало заливы,
Беззвучно плача, шепчут тихо ивы,
Последний солнца луч погас за камышами.

Деревня мирно спит. Но там, в туманной дали,
Будящий тишину, звенит надрывным воем
Безумный, дикий крик, не знающий покоя...
Деревня мирно спит. Но там, в туманной дали,
Кого-то режут...

- Прекрасная пародия, чорт побери!
- Талант! Талант!
- Би-и-ис! Брра-аво!!!
- Веньк! Свою вчерашнюю штучку прочти нам...
- А ну ее на хуй...
- Боринька! За него!.. «На смерть пса»!
- «Полон жизненной энергии, сердцем жаждущий гуманности,
В краткой жизни не изведавший тайной муки наслаждения...»

– Не то! Не то! Это «На смерть Сосо»!
– «Боже мой! Внемли рыданиям! Я убит родными братьями!»
– Это оттуда же!
– Мне последняя строчка нравится:
«Только тихие стенания и неслышные проклятия».
– Венък! Читай все...
– А ну вас... Стесняюсь...

25 октября

Взаимная ненависть?
Мсть за 6-е октября?
Боже мой, – если это так, то какая идиотская злопамятность!
Но ведь было же и 11-е октября!!

28 октября

Абг'ам! Абг'ам!
Повальное.
А им романтика его смерти недоступна.
Ни Мур, ни Муз.
Вернее, ни Муз, ни Мур.
Абг'ам!
Будапешт!!

29 октября

Что ж?

Вот так и стоять всю ночь?

А почему бы нет?

К тому же у тебя в кармане такая милая холодная штучка. И милая, может быть, только потому, что ты до сих пор и не подозревал о ее существовании... А если ее вынуть на свет, как мило она будет блестеть у тебя в руках; пожалуй, даже ослепительней, чем эти фонарные отблески на черной Яузе...

А то, может...

А то, может, пройтись с этой штучкой по комнатам общежития? Взрезать горла всем ненавистным?

Ну, нож – это слишком романтично... Только поэтому я и не стану взрезывать самые ненавистные глотки...

Чайником по голове?

Кому?

Гм. Как кому?

Антонине.

Стоит ли портить государственные чайники?!

Портить?

Нет, почему же – портить? Я думаю, ничего не случится с чайником, если им ударить по такой жирной физиономии...

А впрочем, это даже не напускное.

Ненависть?

Взаимная ненависть с примесью тяготения к объекту ненависти?

Именно.

Хм?

Без «хм»! Совершенно искренне!

Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Эк ведь тебя разобрало... Нельзя ли нахохотаться про себя?.. Все спят...

Тише... Тише...

Тише, тише совлекайте с древних идиолов одежды...

А все-таки как притягательно блестит Яуза... Гм, Яуза... Похабное имя, я бы сказал; имя, пробуждающее чувственность. И только поэтому, может быть, это мой конец... А впрочем, убежденный славянофил, почему тебе нравится это вызывающе-иностранный звук? Как иностранное? Разве я когда-нибудь погружался... в... иностранное...

Ха-ха! И он говорит это с таким видом, будто он действительно погружается! Свеситься наполовину с перил моста, диким взглядом смотреть на ночную Яузу и воображать!..

Почему воображать? Я действительно...

Нет, вы только посмотрите на него! Он действительно!.. Чем же, интересно, до такой степени бесчувственности пленили тебя эти идиотические блики?

Разве только блики?

А то, может, вон те расходящиеся круги слева...

Круги?.. Не вижу...

Он не видит! И это говорит человек, заявивший, что выпил только двести. Неужели же человек, отравленный алкоголем, безвозмездно получает от природы круги под глазами и утрачивает навсегда восприятие всех других природных кругов?

Хе-хе-хе-хе, любитель мрачного одиночества, однако же ты действительно становишься психопатом... Ты злишься?..

Тебе холодно?..

Нет, ничуть! Легкий озноб...

А то, может, тебе поплотнее закутаться... Милый мальчик, у тебя даже нет шарфа. Как глупо, однако, ты заявил тогда, что у тебя их два! А ведь она хотела...

Хотела... Однако ж и ты стал заговариваться, милый мой... Я же взрезал ей глотку... Как же можно «хотеть»?..

Этого?

Нет, почему этого! Я уж не настолько пьян, чтобы забыть, что речь идет о шарфе...

А не о глотке... Но ведь опять же это романтично,... – и вы, кажется, предпочли чайник, молодой человек... Нетрезвое предпочтение, я бы сказал...

...Гм... Но ведь я вихляюсь перед самыми окнами почты... Может быть, вы хотите сказать, что я весь – одно сплошное нетрезвое предпочтение...

Ха-ха-ха! Однако же вы остроумный шутник, мол-чел...

Шутник?.. Но мне несколько не теплей ни от своих шуток, ни от ваших комплиментов...

Озноб?

Мда... почти лихорадка... Только, ради бога, не приставайте ко мне ни с шарфом, ни с плотным закутыванием... Я вот даже расстегну плащ...

Боже мой! До чего вы остроумно глупы...

...и трусливы...

Труслив?..

Мда!.. Вы, как огня, боитесь банальщины... Вы бродите по ночам только потому, что спят другие; вы ненавидите всех нравящихся вам, потому что вам кажется тривиальным любить любимых и ненавидеть ненавистных, ...вот теперь вы легкомысленно расстегнули свой плащ...

В то время, как другой на моем месте глубокомысленно застегнул бы его...

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Однако же вы продолжаете острить. Не понимаю, почему созерцание ночной Яузы заставляет вас дешево острить и играть словами...

Разве только это?

Да, конечно, конечно, вы бы не прочь обмакнуть гениальные фалды вашего платья в объект вашего созерцания... Может быть, только потому вы так ревностно протестовали против шарфа... Я бы не советовал вам протестовать...

Сейчас?

Ну, хотя бы даже и сейчас! Может быть, вы опасаетесь того, что намокнувший шарф потянет вас ко дну?

Но разве ж можно смачивать только фалды плаща, бросившись с моста... Да и если вы даже не хотите бросаться, а нечаянно упадете, то уж не такая и большая тяжесть – шарф...

Да... но я, кажется, не собираюсь ни бросаться, ни нечаянно падать...

Как?! Вы даже не собираетесь? Вы боитесь озноба?! Ха-ха-ха-ха! Или, может быть, вам это кажется банальным?... В таком случае, извините за любопытство, что же вы хотите предпринимать... Может быть, вам кажется банальным быть самим собой...

Да, но ведь я не жалею себя...

И прекрасно! Но вы тяготите других, – и не лучше ли быть «другим» и тяготить самого себя...

Прекрасная мысль, я бы сказал... но «кем»?

Кем? Хо-хо... Однако ж вам стало жарко, и вы по обыкновению стали восторгаться тем, что вам не нравится... Может, вы хотите заполучить прядь рыжих волос, очки плюс трудолюбие – и спать на второй постели от окна?

Может быть, вам подарить мощные бицепсы, белорусское происхождение и презрение к мировому искусству?

Не хочешь? Гм! Право, я первый раз встречаю такого упрянца...

Хочешь, я расширю немного тебе глаза, ускорю и развинчу твою походку, заранее перескажу тебе содержимое всех романов Хаксли и Олдингтона, – и сменю Бальмонта на Пастернака...

Опять – «нет»?

Хм, но ты подумай, какую возможность ты выпускаешь из рук... Ты сможешь тогда ошарашивать каждого любителя поэзии довольно-таки остроумным рефреном:

Он тебе не муж?

Нет.

Веришь в воскресенье душ?

Нет.

Нравится?

Нет.

Крр-рретин!

Каково? Опять качаешь головой? Между прочим, я бы посоветовал тебе поосторожней качать. Кепка может слететь в воду... Да! Гениальная мысль!

Я совершенно упустил из виду предложить вам перевоплотиться в женское естество!.. Разве уж так трудно укоротить человека, подкрасить ему глаза, затянуть эдаким нежным жирком его круп и прилепить сзади две отвратительные косы... Вы представляете, с каким вождением будут смотреть на ваши меланхолические перси все рекомендованные мною ранее... И вы будете, уже не стесняясь, приходить в их комнату и поверять самому себе тайны страдальческой личной жизни своей... Вы с деланным равнодушием будете проходить мимо трюмо, чтобы, мимоходом окинув взглядом свои округлости и подсчитав их, с удовлетворением убедиться, что все четыре на месте и в смысле полноты бешено прогрессируют... Вы самому себе не будете уже, конечно, угрожать ни ножом, ни чайником и застрахуете свою жирную физиономию, равно как и горло, от романтических и неромантических ударов... Вы сможете тогда подарить шарф самому себе – предохранить себя от озноба и...

...обеспечить большую интенсивность движения ко дну...

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Расшевелил-таки я вас и, по-видимому, напрасно... Пока я рассыпался и бросал слова на ветер, вы лелеяли одну и ту же мечту и совсем не думали отбросить в сторону ваше вздорное желание... Интересно, какой оригинальный способ «бросания» выдумаете вы, молодой человек?... Или, может быть, вы ожидаете, что она сама поднимется к вам...

Кто она?

Я-у-за!!

Яуза? Хе! Извините за нескромный вопрос, но не кажется ли вам, что она и без того поднимается...

Что-о-о? Яуза?!!

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ох-хо-ха-ха-ха!

Нет, вы только послушайте... ха-ха-ха... этого ппсихопата... ха-ха-ха-ха-ха!

Нет, вы не смейтесь! Я говорю совершенно серьезно... Помните, вы говорили о расходящихся кругах? Помните?! Я вижу их! Вижу! Я рассмотрю их, когда они подымутся выше...

Нет, это совсем не круги!.. Это просто плавают насекомые... Вы слышите меня? Это совсем не круги... это такие крохотные, жалкие насекомые...

...вот посмотрите, как они мило ползают у меня по рукам... Я же говорю вам, что это совсем не круги... Куда вы делись? Monsieur Rassudock, куда вы ушли?

Ах, теперь я все понял... Вы бросились в Яузу... Их-хи-хи-хи-хи... И все-таки я оригинальней вас...

...и все-таки я жалею вас, вам так холодно, ...вас знобит и вам даже не успели подарить шарфа... к тому же лишняя тяжесть так нужна была вам сейчас... она уменьшила бы ваши страдания...

Ах, как мне жалко вас! Вы даже не видели этих милых, крохотных насекомых... Если бы вы их увидели!..

...О, если бы вы увидели их!.. Вы поняли бы, милый покойник, как глубоко вы заблуждались, когда принимали их за круги и как грубо оскорбили вы их этим заблуждением... Они никогда не простят вам этого...

Никогда... не простят...

А ведь они такие мягкие, пушистые... и такие ласковые...

Ах, если бы Вы посмотрели, любимый мой покойник, как они льнут ко мне, как они любят меня... как жаль, что вы сошли в могилу, так и не разгадав всей тайны этих милых животных, которые заставляют меня своей лаской позабыть даже о том, что вода затопляет меня...

Нет, вы только посмотрите, как осторожно они щекочут меня... как они смелы и беспринципны, как мило они шевелятся уже у меня в носу и как поэтому они, наверное, нежно любят Бальмонта...

А-а-а-а-а...

...пчхи!!

31 октября

Ради бога, не касайтесь меня своими грязными руками!..

Зачем это?

Не надо...

Я хочу курить.

7–8 ноября

Чрезвычайно забавно. Почти пятнадцатиминутное созерцание только что извергнутой рвоты неизбежно поставило передо мной сегодня довольно-таки актуальный вопрос:

Имеет ли рвота национальные особенности?

Мысленное сравнение грузинской рвоты, извержение которой я только что недавно имел удовольствие созерцать в метро, – и этой, раскинувшейся похабно передо мной и всем своим крикливым видом с гордостью заявлявшей о своем русском происхождении, – не дало никакого положительного результата.

А впрочем, легкое сходство есть...

И это сходство еще раз заставило меня сожалеть о постепенном сглаживании национальных различий...

Ах, если бы был Сосо!..

10 ноября

Нет, вы только подумайте!

Я не собираюсь преувеличивать!

Нет, это было на самом деле, – иначе зачем я стал бы говорить, что я не собираюсь преувеличивать!

Да, это было на самом деле...

...и я до сих пор помню искаженное ужасом лицо Майи Полидвы, когда на ее спину вскарабкался Курников и провозглашал очередной тост...

...и мне было жалко ее...

...не менее жалко, чем Никонову, которая только что отрезала себе левую ногу и, периодически всхлипывая, лежала в луже крови...

...и я негодовал на Курникова за то, что он тяжестью своего тела заставил исказиться ужасом обычно такое милое и привлекательное личико Майи...

...может быть, вы не верите, что я действительно негодовал...

...но если бы все мое существо не было в тот же миг охвачено огнем благородного негодования, разве ж я мог тогда пропустить мимо ушей восторженные крики Музыкантовой и Савельева, снявших с себя штаны, с невероятным шумом выпускавших воздух из заднего прохода и прославлявших полковника Насера и судороги сладострастия...

...и вы видели все это,...

...и вы знаете, что все это не коснулось моего уха...

...и вы все же продолжаете настаивать и заверять меня, что я видел перед собой только Остаеву...

...да, я видел краем глаза, как она корчилась в родовых муках у ног Ли Фын-лина...

...и я даже не удивлялся тому, что Ли Фын-лин слишком равнодушно воспринимал все окружающее...

...нет, вы не подумайте, что я с вожделием смотрел на него...

...напротив, я только удивлялся, как можно, устремив глаза вдаль и мрачно сплевывая, попадать плевками точно на остаевский пуп...

...и я даже проникся уважением к китайской нации...

...а вы испуганно смотрели на огромный живот Остаевой и жалели ее...

...да, вы испуганно смотрели на нее...

...у вас расширились глаза от страха и дрожал подбородок...

...да, да, не отнекивайтесь, как сейчас помню, у вас дрожал подбородок...

...а я не жалел ее...

...нет, я не жалел ее, потому что ее оскаленные желтые зубы и этот грязный оплеванный пуп осквернили мое эстетическое чувство...

...и я жалел себя потому, что не мог пожалеть достойного жалости...

...вы не верите?

Вам кажется, что все это я преувеличиваю?

Но ведь я так ясно ощущал все это...

Так разве ж можно говорить о том, что я преувеличиваю, даже после того, как я заявил, что все это я действительно ясно ощущал?..

11 ноября

Ах, ну зачем же так откровенно?..

12 ноября

И потом – этот свет!

Он не нравился мне!

Мало того – он раздражал!

Нет, он попросту выводил из себя!

Хотелось бешено крикнуть: «к чёрту!»

Хотелось встать.

Подойти.

Разбить.

* * *

Не встал.

Пытался привыкнуть.

Темнота стала мечтой.

Грезилось – ночь, пустота...

Но грезы потускнели...

* * *

А свет горел.

* * *

А свет горел.

Не яркость его раздражала меня.

А бессилие мечты о тьме.

И я плюнул.

Плюнул из темноты.

И восторгался ответным шипением.

И упивался дивной музыкой зубовного скрежета.

На большее я был не способен.

Я упал и закрыл глаза.

* * *

А он все горел, этот свет...

И освещал меня...

И баюкал, и навевал дрему...

И тихо шептал, обещая счастье...

А я, улыбаясь ему, засыпал...

* * *

И для меня все померкло...

* * *

А свет звал...

А свет силился разбудить мертвого...

И слабо стонал...

И тихо плакал, умиляясь своей беспомощностью...

13 ноября

А злопамятностью меня-таки не испугаешь...

Седьмое, восьмое, девятое, десятое?

Только четыре.

И к тому же прошлое.

А не лучше ли вспомнить просто:

Одиннадцатое девятого.

А?

16 ноября

Нет, меня положительно обуревают оптимизм. Едакое идиотическое благодушие и умиротворенность. И, кажется, ничто не может изменить моего настроения.

Даже если завтра Марья Трофимовна будет писать приказ о моем отчислении, я буду восхищаться голубизной жилок, облакающих ее очаровательную конечность...

17 ноября

– Бе-е-е-э-э!

П-паразитальное хладнокровие! Нет, теперь уже решительно его не раздразнишь...

Ну, хоть моргнуть одним глазом для приличия, что ли... Показать, что злоба и вызывающее поведение постороннего трогают...

Ну, не трогают – ну, задевают, вселяют недоумение...

– Бе-е-е-е-э-э!

Нет, милый мой, я-таки не отстану от тебя, пока ты не разразишься шестиэтажным ругательством...

Я даже подойду ближе, чтобы созерцание нервного подрагивания твоих мясистых волокон доставило мне больше удовольствия...

Их-хи-хи-хи-хи-хи!

Нет, впрочем, я даже сомневаюсь в наличии у вас каких бы то ни было волокон и самого элементарного самолюбия...

Неужели же вы напились до такой степени?

А? Маладой человек, я вас спрашиваю!

Маладой ччеловек!!

Гм...

Извините за выражение, какого хуя вы устремили взор в пустоту? Вы же знаете, что я считаю крайней степенью тупости разбрасывание подобных взоров... А ваше молчание после Альберта Розенбаума ничуть не оригинально...

Может быть, вы принципиально не желаете осквернять себя разговором с пьяным? Может быть, вы дали зарок молчания?

В таком случае, я восхищаюсь вами, мне даже начинает нравиться ваше болезненное молчание...

Вы, вероятно, марксист?

Или наоборот – донор?

А?

Гм...

Извините за любопытство, – в таком случае, как вы относитесь к проблеме создания искусственного спутника Земли? Вы, конечно, считаете это утопией... Вы, может быть, опасаетесь того, что спутник обрушится с высоты на ваш кров и раздавит ваших детей...

Между прочим, у вас есть дети? Да, да, у вас, конечно есть дети и... извините... супруга... Вероятно, едакая пушистая, идейная, начитанная... и любит вас до потери здравого рассудка...

Нет, почему же, вы вполне достойны ее любви... Благородные очертания, я бы сказал... притягательная шевелюра, небесный взор... Хе-хе-хе-хе-е...

Нет, я бы не прочь познакомиться с вашей семьей и с вашей супругой в частности. Вы, конечно, не откажете мне в удовольствии пригласить вас к себе...

Нет, это совсем недалеко... к тому же, дружеская беседа в обществе прекрасных моих соседей скрасит ваше утомление длительным путешествием...

Представляете, дружеская беседа в кругу... м-м-м... благосклонных к вам... пробки... туманное восприятие мира, дружеское пожуривание полковника Насера и Имре Надя... всеобщее восторжание слабостями человеческими...

А ваша трогательная молчаливость приведет их в восхищение и еще раз заставит их убедиться в моем неповторимом умении завязывать умные знакомства...

Нет, что вы! Избиений не будет...

Мало того – не будет ни единого намека на оскорбление личности. Ведь вы ж уже могли убедиться, что я человек слишком мягкий и гуманный, и склонность к оскорблениям проявляется у меня далеко не каждый день... Впрочем, и последние прощаются мне слишком легко...

Нет, я в этом совершенно убежден, после целого ряда инцидентов с дамой, к которой я питал когда-то небесную страсть...

Нет, вы не подумайте, ради бога, что я и до сих пор «питаю» что-нибудь к этой пышногрудой и толстозадой хандрячке... Что вы!.. Скорее, наоборот...

Вы представляете, эта дама порывалась уже три раза посвящать меня в тайны личных страданий своих. И всякий раз встречала с моей стороны такое грубое безучастие и равнодушие к последним, что немедленно выходила из комнаты, ошарашенная моими неуместными колкостями и грубой бестактностью...

Нет, что вы, я не собирался оскорблять ее; напротив, я извлекал из своего нутра весь запас своей природной мягкости; но ведь вы знаете, что я презираю счастливых и, наоборот, до такой степени идиотизма уважаю всех несчастных, что не могу не захохотать над ними...

Да и как не заденет человека даже осторожная колкость, ежели перед его заплаканными глазами маячат статистические данные пережитых им страданий... Хе-хе-хе-е...

Ах, не считайте меня бездушным!.. Просто хорошее расположение духа выбивает из меня душевность... К тому же в данный момент мои восприятия обостренно-поверхностны, как об этом свидетельствует В-Мир Мур-В, а впечатления бессвязно-четкие, хи-хи...

Я весел, как марш Иванова-Радкевича, и хочу, чтобы и вы были счастливы и хохотали во все горло...

Нет, скажите все-таки мне, отчего вы так сумрачны... вы даже не хотите взглянуть на меня, вы по-прежнему смотрите вдаль... и ваше лицо по-прежнему безучастно... Неужели же вас так зачаровала эта глупенькая ночь...

Вы плачете?

Ах, зачем же плакать? Может, я обидел вас?..

Гм...

Но и разжалобить вас я не хотел... Нет, скажите все-таки, отчего вы плачете?..

Вы слышите меня?!

Чччорт... я вас спрашиваю!!!

Раскройте свою пасть и утрите холодные сопли!.. Нашли же занятие – в сопли перерабатывать свой гуманизм!! Ччорт возьми!

Вы агент??

Я ввас спрашиваю... ввы – агент?!

Ддьявол!!!!

.....

Гграждане! Почему бы мне не заменить эту гранитную болванку чем-нибудь более мягким!!

Я умираю от жесткости!!

Граждане! Не будьте так немилосердны! Дайте мне глоток чего-нибудь бесформенного!

Я жажду воды!! Меня изводит жажда!!

Гграждане!! Задушите этих краснорожих молодчиков с цифрой 76!! Мне не нравится запах их штанов! Молю вас – понюхайте! – и вы убедитесь, что это – покушение!

Они хотят испугать меня своими «76», когда меня не страшит даже «24»!!

Где уж им понять, что не я испортил Апакова, а Апаков испортил меня...

В последний раз к вам взываю, граждане! Убедить их в преимуществах обостренно-поверхностных восприятий!!

И мы будем свободны, граждане! И никто не посмеет покушаться на нашу территориальную целостность!!!

Мы вознесемся в высшие сферы и будем извергать кал!!! Хе-хе-хе-хе-хе!!!

19 ноября

«Я не уйду, пока ты мне не объяснишь, для чего ты это сделал! Я не могу понять, как можно оскорбить человека, который желает ему только хорошего! Может, ты хотел соригинальничать... так на этот раз ты просчитался! Мне всю жизнь приходится выслушивать только оскорбления! Ах, как я всех ненавижу! Всех... ненавижу! Я не могу так больше!!

Я только не понимаю, какая цель была у тебя, когда ты это сказал! Интересно, что я тебе сделала плохого, за что это ты на меня взъелся! Тебе-то уж я никогда не хотела плохого!

И я не могу понять, чего хотят от меня все... Чего они ко мне пристали вчера вечером? Какое им дело до моего настроения?! Какого черта они следят за мной... Если я хожу в вашу комнату, то это мое дело, и я не хочу, чтобы это раздували эти дурочки 1-й группы... Как я их всех ненавижу!.. Боже мой, до чего они все глупы! Они даже сами не представляют, до чего они глупы!

И пожалуйста не остроумничай! Мне это уже давно надоело!! Ты думаешь, на меня тогда подействовало твое оскорбление? Ты думаешь, я на тебя злилась эти два дня? Нисколько. Мне только непонятно было, для чего это нужно было... Потому что меня в жизни первый раз так оскорбили, хоть я никогда и не слышала ни одного хорошего слова...

И вообще я даже почти не помню, как дошла до своей комнаты... И Олька подумала бог знает что, пошла тебя убеждать...

Я бы вообще посоветовала тебе прятать свои чувства в себе, если они только могут быть у тебя... Как бы я ни презирала человека, я бы не стала оскорблять его в лицо, а потом еще в темноте хихикать и издеваться над ним...

А от тебя можно ожидать всего... Теперь ты меня никогда ничем не удивишь... Пожалуйста, теперь тебе предоставлено право: оскорбляй как угодно, ругайся хоть матом... а я буду сидеть и слушать... Ну! Чего ж ты молчишь и пускаешь дым!.. Ругайся, ну! Я готова! На этот раз я уже не выбегу из комнаты...»

Ант. Григ. 11-е, 3 ч. дня

22 ноября

Как явствует из достоверных сообщений Валерия Савельева:

Ерофеев на протяжении всего первого семестра был на редкость примерным мальчиком и, прекрасно сдав зимнюю сессию, отбыл на зимние каникулы.

Не то суровый зимний климат, не то «алкоголизм семейных условий» убили в нем «примерность» и к началу второго семестра выкинули нам его с явными признаками начавшейся дегенерации.

Весь февраль Ерофеев спал и во сне намечал незавидные перспективы своего прогрессирования.

С первых же чисел марта предприимчивому от природы Ерофееву явно наскучило бесплодное «намечание перспектив», – и он предпочел приступить к действию.

В середине марта Ерофеев тихо запил.

В конце марта не менее тихо закурил.

Святой апрель Ерофеев встречал тем же ладаном и той же святой водой, – правда, уже в увеличенных пропорциях.

В апреле же Ерофеев подумал, что неплохо было бы «отдать должное природе». Неуместное «отдание» ввергло его в пучину тоски и увеличило угол наклонной плоскости, по которой ему суждено бесшумно скатываться.

В апреле арестовали брата.

В апреле смертельно заболел отец.

Майская жара несколько разморила Ерофеева, и он подумал, что неплохо было бы найти веревку, способную удержать 60 кг мяса.

Майская же жара окутала его благословенной ленью и отбила всякую охоту к поискам каких бы то ни было веревок, одновременно несколько задержав его на вышеупомянутой плоскости.

В июне Ерофееву показалось слишком постыдным для гения поддаваться действию летней жары, к тому же внешние и внутренние события служили своеобразным вентилятором.

В начале июня брат был осужден на 7 лет.

В середине июня умер отец.

И, вероятно, случилось еще что-то в высшей степени неприятное.

С середины июня вплоть до отъезда на летние каникулы Ерофеев катился вниз уже вертикально, выпуская дым, жонглируя четвертинками и проваливая сессию, пока не очутился в июле на освежающем лоне милых его сердцу Хибинских гор.

Июльские и августовские действия Ерофеева протекли на вышеупомянутом лоне вне поля зрения комментатора.

В сентябре Ерофеев вторгся в пределы столицы и, осыпая проклятиями вселенную, лег в постель.

В продолжение сентября Ерофеев лежал в постели почти без движения, обливая грязью членов своей группы и упиваясь глубиной своего падения.

В октябре падение уже не казалось ему таким глубоким, потому что ниже своей постели он физически не смог упасть.

В октябре Ерофеев стал вести себя чрезвычайно подозрительно и с похвальным хладнокровием ожидал отчисления из колыбели своей дегенерации.

К концу октября, похоронив брата, он даже привстал с постели и бешено заходил по улицам, ища ночью под заборами дух вселенной.

Ноябрьский холод несколько охладил его пыл и заставил его вновь растянуться на теплой постели в обнимку с мечтами о сумасшествии.

Весь ход ноябрьских событий показал с наглядной убедительностью, что мечты Ерофеева никогда не бывают бесплодными.

25 ноября

Таарищ Музыкантова!

Я ввас люблю пллотски!

Я ххочу ввас насилловать!!

Хя-хя-хя-хя-хя!!!

И я-таки ввас изнасилую!!

Ддайте мне ттолько измазать ккоровым пометом двери зддания Ссо-вета Министров!

Ххя-ххя-хя-хя-хя-хя-хя!

Уах-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-а-а-а-а!

26 ноября

Ах, зачем это... Не нужно... Не нужно... Ведь мне сегодня так хорошо...

Так хорошо...

28 ноября

Почему они дрожали?

Какое право они имели дрожать, если они – часть презирающего?!

29 ноября

Нет, положительно вечер 27-го не дает мне покоя... Ведь они дрожали...

Почти пять минут...

Мелкой, трусливой дрожью...

И на меня опять пахнуло проклятым апрелем...

Значит, я боюсь...

И с тех пор ничто не изменилось...

И все это было напрасным...

Напрасным...

И то, что я писал 12-го – ложь!..

Нет, я никогда этому не поверю...

Не поверю, потому что был сентябрь...

А это – минутное...

1 декабря

Тогда бы я решился...

И никто бы, еби вашу мать, не посмел доказывать мне, что это безнравственно!

2 ч. ночи

2 декабря

И когда стемнело...

...я нехотя поднялся, еще раз проверил, хорошо ли отточен столовый нож, заложил пистолет во внутренний карман, бросил на подушку спящего Муравьева стоимость двух галстуков и, натываясь в темноте на одетые стулья, бесшумно покинул...

...в коридоре маячила одинокая фигурка, – судя по яркости одеяния, принадлежащая к противоположному...

...остатки благоразумия не позволили мне отправиться туда в присутствии...

...и я заходил...

...пока одинокая фигурка не свернула в женский туалет, освободив меня от дальнейшего...

...и я, благословив естественные надобности, не замедлил...

...запах жженого лука заставил вспомнить о былых...

...но я поторопился отогнать от себя неуместные...

...и немедленно приступил...

...муравьевские галстуки обладали поразительной силой сцепления, они казалось, специально были созданы...

...и газовый кран открылся поразительно...

...оставалось только, проклиная легкомыслие шоферов, с нетерпением ожидать шума...

...тишина была в затылок, а атмосфера щекотала...

...и синяя впадина дразнила формой и раздражала смрадным благоуханием...

...меня уже не пленяло новаторство в области совмещения...

...потому что я не мог уйти, не постигнув благости очередного...

...потому что синева видения убила приближающееся...

...эти две чистейшие ненужности мне все вернули...

...и заставили даже дремлющих облагородить движением...

...и предвкушением прикладывания укрыть смертоносное!!

3 декабря

Mesdames и Господа!

Я осмелюсь выступить в роли пьяного адвоката!

Он не виноват!!

Вы не имеете права обвинять его в порче воздуха! Ведь неэстетностью своей струи он подчеркнул упоительное для общественного обоняния благоухание ваших тел!

Mesdames! Господа!

Он забрызгал ваши чистенькие личики своим калом! И забрызгал без реверанса!

Но это ни в коем случае не дает вам повода обвинять его в негодяйничаньи!

Mesdames! Вы лучше меня осознаете, до какой степени брызги неделикатного кала оттенили белизну и атласность ваших физиономий!

Брюнэтки! Не гневите ваши ляжки! Плюньте на чернобровье! Ведь консерватизм неумолимо преследуется нашим веком! Зачем же разжигать обиходность?! Зачем безнравственно истцанствовать, если это интенсинирование брюнэтизма!

Господа молодые блондины! Кто вам запрещает поэтизировать стулирование атласностей?! Бронзоватых атласностей! Ведь озноенность «braun»'ом облегчает насилие!

А скользкость излишеств ослабляет их деградацию вашей ротовой полостью!

Зачем же гневить правосудие и Всевышнего!!

4 декабря

Весь под впечатлением Катихинской аудиенции. Чрезвычайно недоволен собой – не мог убедить его в своей искренности.

И все-таки хорошо понимаю, почему взбесила меня его счастливость.

И мои разглагольствования об отвержении всяких признаний, и мое недовольство, выраженное по поводу его «малодушия» заставили-таки обвинить меня в «показном оригинальни-

чаньи»! Ему совершенно непонятно то, что счастье духовно обедняет человека и делает его в высшей степени несчастным!

Нет, посудите сами, господа! Дамочка, к которой в продолжении пяти месяцев этот субъект питал сногшибательно нежные чувства без малейшей надежды на взаимность, сближается с ним наконец – и второго числа изрыгает признание...

И что же вы думаете? Он послал ее ко всем чертям? Или тем же тоном извергнул сожаление о своем полнейшем равнодушии?

«Зачем»?

То есть, как – «зачем»?

Не из оригинальности, конечно, не из чувства мести, а всего-навсего из боязни взаимности...

А этот малодушный субъект, видите ли, излился... и теперь с упоенной стыдливостью кичится своей счастливостью...

А последняя в два дня настолько отупила его, что он не хочет даже признать своей обреченности на духовное обнищание.

Нет, я положительно потерял всякое уважение к этому «искалеченному счастьем», ччччорт возьми!..

6 декабря

Хе-хе, прогресс, я бы сказал!

Комплиментальный прогресс!

6 октября:

«С-с-с-сволочь!» – с кошмарным протягиванием первого свистящего, невообразимым подергиванием и с выражением полнейшей запуганности, заметным даже в полной темноте...

9 ноября:

«Мме-рзавец!» – несколько ограничив возможности пантомимики и с трогательной дрожью в голосе...

27 ноября:

«Негоддяй!» – с традиционным переходом в вертикальное положение, испепеляющим взором и направлением к выходу...

6 декабря:

просто и лаконично: «Подлец!» – сузив от гнева глаза и пикантно приземлившись на муравьевскую постель, без всякого намека на испепеление...

7 декабря

А я бы все-таки с удовольствием скончался.

8 декабря

Уа-а! Уаа-а!

Пляшут, совокупляются...

И льют, льют...

И обрамляют неполноценных...

Как будто бы Энгельс запретил им!

А сквозь Абажур просовывается долгожданный, разевает рот и как будто гордится тем, что его язык подменили лысиной Руссо...

Я разъярен... (правда? – как это смешно! – я – разъярен!) Ах, нет, право, я совершенно спокоен... ведь волосы тоже спокойны, зачем же волноваться мне...

Правда, Они пляшут...

Но ведь я все равно нанялся, и музыка только импонирует!

Нет, мне бы и в Голову не пришла эта Нелепая Мысль (ну, сами посудите, – нанялся! Тьфу!), но абажурная физиономия пощипывала сомнительность...

И это самое главное: удивительно Правильные черты лица делали его похожим на бульдога и гармонировали: Шедевры И Бешено Вздернув Ноги! Начни! Начни!

Но я и сам не знал, с Чего же все-таки начать... (А сами-то вы! Гы-гы!)

Я бешено цитировал...

Я массажи сбрасывал с себя Маникюрш...

Но ведь я не забывал, что рассудок Почти невредим...

И я решился...

Я привлек, я САГИТИРОВАЛ Ее Пуп!

Он, Он один спас меня...

Это Он кричал утром (ведь вы помните, как он кричал?.. Не помните?.. Ну, не нужно стесняться... Тю-тю-тю-тю...):

Ррразбуди-ить!

Ррра-азбуди-и-ите!

Рррр...

...Уа! у-а! уаа!

9 декабря

О-о-о! Только последнее и нужно было этим пьяным скотам...

Разом заговорили все...

– Э-этика! Одно слово заставляет меня изрыгать тысячи проклятий по адресу... гм... гм... гм...

– О-о-о-о-о!.. поддержите меня... иначе сей же секунд семья горлодеров, осмеливающихся произносить в приличном обществе это мерзкое слово, численно понесет урон!..

– Господа! А я, между прочим, имею совершенно серьезное намерение детально изучить этику, дабы оградить себя впредь от случайных следований ее законам...

– Ах, господа, зачем толковать о таких неаппетитных вещах! Лично меня мучает один чрезвычайно любопытный вопросик... вот уже скоро 50 лет, как умолкли родовые стенания меня породившей!.. Я просуществовал полстолетия! я пережил 11 министров внутренних дел и 27 революций... – а я все еще силюсь разрешить вопрос, который отчеканит назубок заурядный школьник; дело в том, что я не вижу существенной разницы между удовлетворением полового желания – и физиологическим отправлением...

– Кошмарная параллель, я бы сказал...

– Гм, молодой человек, я искренне сожалею, что вам, коллекционеру новейших истин, непонятно то, что выбрасывание половых секретов – не что иное, как заурядное физиологическое отправление... и в этом свете половая любовь предстает чем-то вроде мучений цивилизованного существа с переполненным мочевым пузырем, попавшего в великолепную и не менее переполненную гостиную, узревшего великолепный унитаз и не имеющего возможности извергнуть в него содержимое своих внутренностей!..

– О боже мой! Женщина – чувствительный ватерклозет!..

– Хе-хе-хе! А шестилетняя девочка – комфортабельная плевательница!..

– Лирика – плод томления человека, не знающего, куда высраться!

– Ха-ха-ха-ха!

– Да, да... По крайней мере, в половом влечении я не вижу положительно ничего высокого! Мне лично гораздо более удовольствия доставляет сидение на унитазе после сытного обеда, чем половые наслаждения и ласки самой что ни на есть умопомрачительно любимой, чччорт возьми!.. Ннет, господа, уж лучше срать в унитаз и заниматься онанизмом, чем овладевать предметом бешеной страсти, одновременно испражняясь на пол... Хе-хе...

– О господи! Неужели же нельзя без половых извращений! Меня приводит в бешенство одно слово – «онанизм»!

– А я считаю, что поползновение к онанизму – признак чувственной трусости, да, да, чувственной трусости... В лучшем случае – вторжения интеллекта в неприкосновенную, даже, я бы сказал, святую область эмоций!..

– Ах, какой вы, право, Утонченный Негодяй: я лично, извините за нескромность, чрезвычайно страдаю интеллектуальностью своих эмоций: но, говоря откровенно, статья профессора Рихтера отбила у меня охоту к поискам новейших методов мастурбации...

– Ох, уж эта пресса! Мне подобные статейки, наоборот, прививают любовь к извращениям; по крайней мере, шофер, изнасиловавший шестилетнюю девочку, в продолжение почти получаса был моим кумиром!..

– Между прочим, я не без успеха подражал вашему кумиру... и я могу вас опарашить истиной, которая осенила меня в процессе «подражания» – «духовно богатый человек склонен к удовольствиям, не приносящим наслаждения оппоненту – источнику удовольствия»...

– Шестилетняя девочка – оппонент!.. Гм...

– Ну и как, истина помогла вам убедиться в богатстве своего духовного мира?

– Перестаньте зубоскалить, молодой человек!.. и не считайте эрудированность показателем духовного богатства... у вас – искусство имитации мрачного скепсиса и мировой скорби – и тем не менее вы совершенно бездушны!..

– Ах, какое, я бы сказал, глубочайшее проникновение в тайны моей психологии!..

– У вас – психология!.. Гм...

– Кстати – о психологии! Не встречали ли вы, господа, тип людей, сознательно бегущих счастья и обрекающих себя на страдания, которым мысль о том, что только его сознательные действия превратили его в страдальца и что он был бы счастливым, если бы предусмотрительно не лишил себя счастья, – дает ему почти физическое наслаждение!..

– Это, так сказать, проституция жалости!

– Мастурбация страданий! Ха-ха!

– И кроме того, не заметили ли вы, господа, что совершенно необязательно быть тонким психологом, чтобы прослыть им... Не нужно только уходить из области больной психологии и касаться психически уравновешенных...

– О-о-о! Психическая неуравновешенность – моя мечта! – и, смею сказать откровенно, в мечтах я уже – сумасшедший! О, вы не знаете, что такое бессонница мечты... и мечты, воспаленные от бессонницы...

– Боже мой! Как это плоско – кичиться своей мечтательностью! Лично я, еще будучи младенцем в стадии утробного развития, искренне ненавидел мечтателей!.. Мечты – презрение к воспоминаниям!..

– Ах! В таком случае вы должны восхищаться мной! Для вас я – Заурядный Болван, а ведь я в некотором роде неповторим... Я, может быть, единственный человек, который живет исключительно воспоминаниями... и, смею вас заверить, я – единственное цивилизованное двуногое, тщетно жаждущее найти среди разноцветной груды своих воспоминаний хоть одно – приятное...

– А меня, господа, всю жизнь томит заурядность... О-о! Сколько раз уже я посылал проклятия по адресу Всевышнего и «Исключений из закона наследственности»!.. Я неутожимо удовлетворял похоти самок, пользующихся самой что ни на есть двусмысленной славой – и не заразился триппером! я бешено ударялся головой о Кремлевскую стену – и не мог выбить ни одной капли здравого разума! в продолжение трех суток без перерыва я безжалостно резал свое ухо диссонансами пастернаковских стихов и национального гимна Эфиопии – и, как видите, не сошел с ума!.. Ах, господа, я плакал, как ребенок! Я проклинал чуждость своего хуя, лба и нервов и коварство вселенной...

– Боже мой! Как все это извращенно!

.....
Все мгновенно смолкли.

И мне пришлось почти с благодарностью взглянуть на торжествующего негодя.
Хотя все произнесенное мне импонировало, унисонило, – как вам угодно.

10 декабря

К дьяволу сентябрь, еби его мать!!!

На хуй «острова»!!!

Если они – не «каждый день», то за хуем они!

11 декабря

Началось!

13 декабря

Начинающие хуесосы! Давайте сообща засирать сокровища мировой поэзии!

Ппёрнем! Отравим атмосферу!

Ппёррнем, молодые пиздорванцы!!!

Уэ-э-э-э-э!

За хуем нам «интуиция» и «эмоциональность»!!

Пусть упражняются скоты!

Мы – сухие!

Мы – бездушные, еби нашу мать в задний проход!!

Где уж нам понять утонченность скользкого говна Марины Цветаевой!!

Отдадим Муравьеву безвозмездно!!

Пусть упивается нюансами!!

А нам, откровенно говоря, срать на космические проблемы, которые Вас волнуют!

И мировая скорбь нас интересует не больше, чем Скороденковские сопли!!

Мы – не читали Олдингтона!

Мы – кретины!!

Мы безнадежно погрязли...

Ах, излечите нас от мелочности!!

Ведь вы так чисты!

И умеете так нежно любить!!

Уы-ы-ы-ы!

А ваши Любимые не ковыряют грязными пальцами в своих менструальных и сифилисных органах!

Ах, они жаждут мускулистых хуев!!

И серут таким очаровательным кровавым поносом!!

14 декабря

Решено твердо.

Пусть – презрение.

Но – начало карьеры...

Вы еще у меня попляшете, голубчики!

Я заставлю тебя, рыжий хуй, раскрыть флегматическую пасть!

А ты, толстомордая скотина, узнаешь первый, с кем имел дело!!

15 декабря

Хватит с меня сегодня и того, что я Музыкантову послал на хуй!..
Мне просто стыдно за Ворошнину.
Стыдно за то, что у нее в Москве – такой отвратительный двойник.
2 часа ночи

16 декабря

Но не это – главное.
Когда они разомкнули, наконец, свои скользкие и липкие губы, – отвратительная нить слюны соединила пасти разнополюх...
Пусть для них эта мерзкая сопля – символична!
Но мне-то – мне-то противно смотреть на эту соплю, даже если эта сопля – союз разнополюх сердец.

17 декабря

А собственно говоря, какого чорта позавчера я вспомнил о Ворошнинной?
Неужели мне мало августа?
И я не радовался в октябре ее «аресту за преднамеренное устройство взрыва» на 3-м горном участке?..
И ведь это – ее вторая судимость!..
Собственно говоря, я только на зимних каникулах заинтересовался ее выходками... и если бы не статья в «Кировском рабочем», я, может быть, и вообще бы не вспоминал о ней...
Но ведь, что бы там ни говорили, она – моя одноклассница... и притом – единственная из всех наших выпускников, с которой мне пришлось школьничать с первого по десятый класс включительно...
И даже получением аттестата она в некоторой степени мне обязана...
Нет, нельзя сказать, чтобы я действительно питал к ней нежные чувства... А детское увлечение постепенно улетучилось...
Просто – мы несколько откололись от основной массы школяров и в 10-м классе были водонеразливаемы, совершенно не поддерживая связи с классом...
Откровенно говоря, меня пленяли ее хулиганские выходки на занятиях, тем более что я поражал всех скромностью и прилежанием... А после инцидента с ком. билетом она уже бесповоротно стала кумиром в моих глазах... хотя в школе слыла легкомысленной идиоткой с протестуционными наклонностями...
Меня же лично мало интересовали ее наклонности... Я даже не удивлялся ее провалу при поступлении в институт и слишком легкомысленному восприятию этого провала. Меня взбесило только ее исчезновение из Кировска как раз в момент моего триумфального возвращения, – я даже не мог похвастаться перед ней поступлением в Величайший.
С первых же групповых занятий в университете меня несколько заинтересовала Ант. Григ. – «усеченная и сплюснутая Ворошнина» – и я искренне ее возненавидел...
В декабре, признаться, я был несколько ошарашен письменными извещениями Борошки о привлечении Ворошнинной к суду за недостойность...
Тем более, что после «самоповешения» отца она должна была несколько охладить свой пыл...
Прибыв на зимние каникулы, я с удовлетворением воспринял экстренное сообщение Фомочки, весь смысл которого сводился к тому, что он (т. е. Фомочка) – может быть, единственный представитель мужской половины Кировска, не испытывавший удовольствия покоиться на пышных прелестях моего кумира... и сразу же вслед за этим сообщение Борошки о том, что соревноваться с Ворошнинной в изощренности мата не решается сам Шамовский...
Я без промедления благословил ее выносливость и изобретательность...

...И единственное, чего я опасался теперь, – случайного столкновения с ней...

Последнее, может быть, и не состоялось бы вообще, если бы 1-го февраля Борянку, Минечку и Витиньку не пленило звучание одного из шедевров индийского киноискусства.

Сказать откровенно, я слишком туманно воспринимал трели Бейджу Бавры, потому что непрерывная трескотня соседок, циничная поза сидящей справа Ворошнина – и вследствие этого тоска по цивилизации убили во мне способность к восприятию классических творений джавахарлаловых подданных...

Назавтра Витинька, удовлетворенно зубоскаля, констатировал: «Ерофеев дико смутился, когда увидел, что Ворошнина покинула веселые передние ряды и в сопровождении трех подзрительных девиц двинулась прямо по направлению к нему, презрительно окидывая взглядом переполненный кинотеатр и неестественно кривляясь»...

Правда, Витинька одновременно выражал сожаление в связи с тем, что они втроем вынуждены были внять вызывающе деликатной просьбе Ворошнина «поменяться местами» – и бросить меня на произвол пьяных девиц...

И я, признаться, тоже сожалел... Во всяком случае, меня не восхищала перспектива в продолжение двух часов вдыхать запах водки и пережженных семечек изо рта Ворошнина, невообразимо краснеть и деликатно приобщаться к ее бесстыдной и стесняющей позе... Впрочем, я покинул кинотеатр чрезвычайно довольный собой – я вежливо отказался навестить ее в общежитии и, кроме того, уже не ощущал на себе кошмарного нажатия ее пышных прелестей...

Последующие 8 дней пребывания в Кировске протекли целиком в пределах четырех стен Юриковой квартиры, – в стороне от трезвости, Ворошнина, снежных буранов и северного сияния...

На первом же занятии по немецкому Антонина Григорьевна Музыкантова попала в поле моего зрения, и мне, без преувеличения, сделалось дурно...

В продолжение всего второго семестра я неумоимо прославлял дегенерацию и стиснув зубы романтизировал...

А лето совершенно уронило взбесившегося кумира в моих глазах...

Правда, и я летом числился уже в сознании кировских граждан не как «единственный медалист» и «единственный лениногорец», а скорее как неумоимый сотрапезник Бридкина...

К началу августа я вынужден был выработать иммунитет на восприятие любопытных взглядов – и, между прочим, не без благотворного влияния Лидии Александровны, представшей передо мной уже на следующий день после моего приезда в героический заполярный город...

Правда, в этот раз я несколько удивил ее утратой скромности и смущаемости и удачным ответом на традиционное приветствие...

Она же, в свою очередь, поразила меня изумительной способностью к бесконечному округлению даже при ежедневном воздействии алкоголя и еженощном испытывании давления со стороны комсомольских тел...

Кроме того, разминая онемевшую конечность, я внутренне пособолезновал всем тем, кому приходится здороваться за руку с этой смеющейся скотиной, а внешне сделал неудачную попытку отказаться от приглашения.

В этот день она была несколько сдержанна и даже извинилась, когда случайно вставила мат в сногшибательную характеристику проходившей мимо рыжей девицы...

Два последующие совместные культпохода в «Большевик» несколько нас сблизили, и потому в начале августа я даже без трепета перешагнул порог ее комнаты.

В продолжение 2-х часов я тщетно пытался привыкнуть к одуряющему запаху духов и охотно внимал трескотне своего оппонента...

Сначала я устно выразил восхищение кротостью ее соседки, которую грубое приказание Ворошниной вынудило незамедлительно и безропотно покинуть «постоялый двор кировских Дон Жуанов»...

Потом с напускной неохотой помог ей допить «Столичную» и совершенно искренне восхищался ее изобретательностью в отношениях с посетителями...

Правда, последний ее рассказ настолько меня смутил, что я в продолжение 5-и минут безуспешно пытался согнать краску со своего лица и поднять глаза от стакана...

Дело в том, что как-то весной к ней пожаловали три первокурсника МУ, видимо чрезмерно распаленные хвалебными отзывами о ней и подстрекаемые сообщениями о «легкости» ее «уламывания»... И она, радушно встретив пьяных студентиков, не замедлила выкинуть несколько невероятных штук перед их восхищенными взорами... В конце концов, она заставила всех трех пасть на колени и лизать свои подошвы... – и, в довершение всего, прогнала распаленных посетителей, предварительно избив одного за «недостойность»...

И все это – с непременным хохотом, умопомрачительным смакованием фактов и периодическим потягиванием из стакана... Положительно в этот вечер она мне безумно нравилась...

Нет, я совершенно искренне восхищался ее умением требовать у кировских самцов рабочего поклонения в отношении к своей особе... Правда, я с трудом верил ее пьяным рассказам... ведь незадолго до этого она даже попросила меня отвернуться, когда подтягивала чулок...

Я решительно не понимал ее... Созерцая эту самодовольную, милую, пьяную физиономию, я никак не мог поставить ее рядом с той чистенькой первоклассницей, которая сидела со мной за одной партой и поминутно меня обижала...

Часов в 9 я покинул общежитие в состоянии романтически пьяной влюбленности... До самой железной дороги идущая рядом Ворошниная непрерывно была встречаема насмешливыми приветствиями, которые вызывали в ней почему-то дикий хохот...

Признаться, я был оскорблен, когда уже на следующий день Рошин через Бороинку выразил сожаление по поводу того, что мне «не повезло с Лидкой», а Тамаре Васильевне порекомендовали «держаться в руках своего медалиста»... Впрочем, я и сам лично убедился 7-ого августа в неизлечимой тупости молодого поколения Кировска.

Меня просто взбесило нахальство ГХТ-товцев, которых не отрезвляли даже пощечины Ворошниной. А эта отвратительная сцена у киоска даже ослабила мою охоту иметь дальнейшее общение со своим благодетелем...

И главное, меня раздражало ее легкомысленное отношение к своим собственным действиям и к своей популярности... Нет, я совсем не собирался ее убеждать, потому что единственной реакцией на мои убеждения было бы идиотское ржание... к тому же я слишком боялся ее, чтобы решиться на убеждение...

Единственный раз я почувствовал к ней что-то вроде жалости – в воскресенье 12-ого числа на вечере отдыха в Парке... Ее отвратительный вид чуть не вызвал у меня тошноту, – тем более что Бридкин в этот день был навеселе и с полудня неумолимо вливал в меня какую-то бурду, орошая слезами память моего родителя и судьбу единоутробного брата... Веселость моментально покинула меня, когда я узрел в распластавшейся за ларьком девице Лидию Александровну... Ее, вероятно, только что бешено рвало, белая кофточка была вымазана в чем-то отвратительном, мокрое платье слишком неэстетно загнута... Уговоры Бороинки заставили меня оторваться от созерцания страдальцы... Но удивительно – я совершенно не чувствовал брезгливости, я только бешено ненавидел этих мерзких типов, которые ее споили и, изнасиловав, оставили в грязи под проливным дождем... Придя домой, я снова перечитал полученное накануне письмо Музыкантовой с жалобой на жизненные страдания – и дико расхохотался...

А во вторник мне пришлось вновь возмущаться веселостью Ворошниной... Она бессовестно восторгалась прошедшим воскресеньем, поминутно извинялась за нецензурность – и я, к ужасу своему, убедился, что она и сегодня пьяна ввиду увольнения с РМЗ.

...Нет, ее совершенно не волновало лишение работы, она воинственно восседала на перилах Горьковской библиотеки, жонглируя моим Ролланом и качая ногами перед самым моим носом, и продолжала невозмутимо язвить по адресу МГУ, любви, человеческих страданий, Надсона, Музыкантовой и – моей детскости...

А 16-ого числа, с этого противного вечера одноклассников, началось самое главное... И удивительно то, что я упивался ее действиями, явно рассчитанными на то, чтобы отравить атмосферу школьным питомцам... Она хорошо знала, что пользуется дружным презрением «девушек-одноклассниц» и тем не менее решила явиться на вечер без приглашения, дабы произвести сенсацию сначала своим приходом, а потом своими очаровательными шалостями.

Правда, наш совместный с ней приход на вечер произвел далеко не сенсацию; я вынужден был констатировать всеобщее уныние и одновременно, затаив злобу, отразить несколько мрачных взглядов... Однако я понял с первой же минуты, что «очаровательными шалостями» Ворошнина – если не произведет фурор, то по крайней мере заставит разойтись эти полторы дюжины впавших в уныние одноклассников.

Последние несколько не были удивлены, когда Лидия Ал. церемониально извлекла из внутренних карманов пальто 2 прозрачных бутылки и цинично заявила, что «даже Веничка» считает их содержимое чрезвычайно полезным для желудка... Я, стараясь усилить невыгодное впечатление, произведенное ее словами, поспешил подтвердить гигиеническую верность гениальной фразы моего кумира...

В продолжение получаса Ворошнина торжествовала... И, казалось, ее совершенно не смущало то обстоятельство, что только я один осмеливаюсь разговаривать с ней и что мы в некоторой степени обособились.

...Захарова своим неуместным затягиванием «Школьного вальса» развязала, наконец, ей руки – и с этого момента я с нескрываемым восхищением следил за всеми ее движениями...

Прежде всего, заслыша робкую «пробу» Захаровой, она дико заржала, вызвав недоумение всех собравшихся, затем флегматично сообщила всем о своем презрении к песням вообще – и, в довершение всего, ошарашила милых одноклассников нецензурной приправой к своему лаконичному признанию... Фурор был неотразим... Я, признаюсь, проникся даже пьяной жалостью к этим девицам, которые – вместо того чтобы прогнать возмутителя спокойствия, – уныло справились друг у друга о времени, о погоде и стали медленно одеваться... А Ворошнина продолжала неумоимо хихикать, ерзая по стулу и по моей ноге...

Нет, я несколько не жалел о безжалостном разрушении вечера... Я охотно помогал ей смеяться над письмом Муравьева и допивать водку из горлышка. Я так же охотно согласился бы сидеть до конца летних каникул на этой куче ж/д шпал под моросящим дождем и позволять обращаться с собой, как с грудным ребенком... Я преклонялся перед этой очаровательной пьяной скотиной, которая могла делать со мной все, что хотела...

На следующий день я от нее же узнал, что она не могла добрести до своей комнаты – и на лестнице ее мучительно рвало...

Вечер 18-ого числа совершенно неожиданно отрезвил меня... Первый же рассказ, которым меня встретила Ворошнина и который больше походил на похабный анекдот, до такой степени озлобил меня, что я утратил всякую боязнь – и осторожно послал ее к черту... В ответ она по традиции глупо заржала и пообещала завтра же всем сообщить, что она послана к черту самим Ерофеевым...

В тот же вечер ее в совершенно пьяном состоянии и отчаянно ругающуюся вывели из танцевального зала 2 рослых милиционера и препроводили в отделение... При этом ей за каким-то дьяволом понадобилось громогласно вопить, что она не виновата и что ее споил Ерофеев...

Наконец, ее поведение 21-ого числа на «Пламени гнева» вынудило меня даже удалиться из кинотеатра под дружный хохот окружающих ее девиц и всеобщее недовольство зрителей...

С этого вечера я уже совершенно ее не понимал; меня бесило то, что она слишком чутко внимала Рошинской клевете; я не мог себе представить, чтобы Ворошнина мне верила меньше, чем оскорбительным сообщениям заурядного Петеньки; я положительно возненавидел ее...

23-его числа, заметив ее, возвращающуюся из рудника в сопровождении 2-х чумазных подростков, я вынужден был предусмотрительно свернуть вправо и профланировал параллельно. Когда же до меня донесся веселый смех этих трех скотов, гонящихся друг за другом и осыпавших матом все и вся, мне стало дурно, у меня помутилось в глазах... Я готов был сию же минуту исплевать Заполярье и благословить Московскую непорочность... Меня тошнило от Кировска и от беспрерывного пьянства...

И 24-ого я уже действительно плевался, когда, сидя ночью на скамейке, узрел Ворошнину, проплывающую мимо школы. Я до такой степени растерялся, что не успел убраться в темноту – эта скотина уже предстала перед скамейкой и, умопомрачительно изогнувшись, затрясла передо мной всеми своими прелестями... Я поспешил справиться, что должна означать эта многозначительная пантомимика – она ошарашила меня в ответ довольно остроумным контрвопросом: «Хотите ирисок, Веничка?», – затем, видимо удовлетворенная моим отказом, не меняя дикции, выразила сожаление по поводу того, что более многоградусное осталось дома, флегматично погладила свои бедра и, мазнув меня по лицу всей своей массой, вразвалку направилась к шоссе. А в ответ на свое душевное: «С-с-с-скотина!» я опять услышал это идиотское ржание – и застучал зубами от холода...

Возвращаясь домой, я почему-то вспомнил, как, будучи семиклассником, мелом разбил стекло и потом робко укорял Ворошнину за то, что она взяла вину на себя... Тогда она смеялась ласково, по-детски...

Вечером 26-ого я уже пересекал Полярный Круг, совершенно не вспоминая об утраченном кумире...

В конце октября, уже будучи в Москве, я с удовлетворением узнал о ее аресте и с тех пор ее судьбой не интересовался... Да и, собственно, какого дьявола меня должна волновать ее судьба... если она сама за всю жизнь не смогла выдавить из себя ни одной слезы...

...и ее участь никто никогда не оплакивал...

18 декабря

Пи-и-ить!

Пииииить!

Пи-и-ить, ттэк вэшшу ммэть!!!

19 декабря

Ах, стоит ли, право, Валерик, ругать этих молодчиков! Ну, пусть Леонид Михайлов пытается логически обосновать свое право на именование крестинами всех неприобщенных к мировой цивилизации!..

Пусть Владимир Скороденко, скрипя зубами, неуголимо клянет свое азиатское происхождение и доказывает гигиеничность зебровых галстухов!..

Пусть Владимир Муравьев, обратив свой скорбный лик к зданию Совета Министров, многозначительно потрясает жиденьким кулачком и гораздо более внушительной эрудицией, которая, кроме всего прочего, дает ему возможность упиваться очарованием интуиции и еженедельной боли в висках!..

Плюнь на них, Валерик!

Очаруй Вселенную пикантностью своего «Фи!»

Пошли к черту и Пранаса Яцквичуса – ведь он уже давно кастрировал Космос и теперь безуспешно пытается завербовать его на должность старшего Евнуха в гареме своих незамысловатых Идей!..

Ах, Валерик, не истощайте себя Сомнениями!

Вы просто недооцениваете обаяния Викторов!

Ведь Виктор Дерягин, в противоположность Пранас Яцквичус, слишком уважает Космос, чтобы подвергать его безнравственному оскоплению!.. К тому же, говоря откровенно, ему не нужен Евнух, ввиду отсутствия Гарема...

А Виктора Сибирякова не пугает даже безнадежная любовь к Справедливости... (увы! Справедливость слишком холодна к Нему – Он даже не осмеливается ревновать ее к Анастасу!) – Но Ему доставляет почти физическое наслаждение упиваться трогательной взаимностью Александра Терентьева и Непорочной Лойяльности!..

Ах, Валерик, Вы так молоды!..

Проникнитесь же плотской любовью к Владимиру Катаеву! Ведь он из уважения к Чувству Человеческого Достоинства отвергает греховные связи с истощенной Дегенерацией и, полемизируя с Гете и Розенбаумом, считает неперменными спутниками истинного гения флегматический взгляд на кокетство Судьбы и Огненность Волосяных Покровов!..

Да и стоит ли, право, Вам, Валерик, жаловаться на беременность Вечной Идеи! – ведь рядом с Вами, обнажив свои незатейливые Плоть и Сущность, уверенно семенит по жизненной колее Леонид Самосейко – и вам обоим плотоядно улыбаются молоденькие Перспективы!..

Ах, улыбнитесь и Вы, Валерик!

21 декабря

Шесть дней держалось пятнадцатое.

Двадцать первое – вызывающее прощание.

И даже спокойствие.

И даже ночь.

И все равно – страшно...

Страшно...

22 декабря

Нет, вы представляете!

Сентиментальничать две ночи подряд!

Извращенно сентиментальничать!

Две самые темные ночи!

И внимать! Хе-хе-хе!

В-в-внимать!

Уэх-хе-хе-хе-хе!

Нет, вы только представьте себе!

Я ответил: «Гм...»

Всего-навсего: «Гм»!

И потом: «Ах, вот как!»

Я не пытался сенсинировать!

Задевать обиженных – не в моем стиле!

И все-таки я отказался брудировать!

Потому что только это мне и нужно было!

А самое отвратительное – когда сбываются мечты!

23 декабря

«...не нужно, Венька... слышишь? Не нужно пить... Я не хочу, чтобы ты пил... Я просто не знаю, что может на тебя подействовать, чтобы ты прекратил это пьянство... Я бы с удовольствием сделала для тебя все, только я не знаю, что делать... Веничка, ну дай мне слово, что ты никогда больше не будешь пить... А?.. Я тебя не отпущу от себя, пока ты не дашь слова... Будешь до утра мерзнуть, слышишь?..»

«...Ой, Венька, ты просто розовый младенец... Я просто ужасно хочу, чтобы ты был моим братом... Ну, чего ты презрительно ухмыляешься... А то, понимаешь, у меня никогда не было младшего брата... Ой, Венька, представляешь: я бы делала с тобой все что хотела и ты бы не посмел пикнуть... А то вот ты сейчас сидишь здесь и грубишь... Свободная личность – тоже мне... Вот сейчас возьму и изобью... Что-о-о? Что ты сказал?! Ну вот что мне оттого, что ты говоришь такие гадости...»

24 декабря

С отчисления пошло изумительно!

Самосейко НЕУДивлялся...

Катаев окончательно СЛ.Абел, ИЗВЕРГая комсомольскую верхушку и погружаясь в МИР МАтериализма...

Муравьев изрыГАЛ И НАпивался снова...

Дни розовели проносились...

Всепроникающие Факты продолжали фамильярно похлопывать по бедрам мою Радость...

И напрасно я пытался прикрыть Ее икры капроном нарочитой раздражительности...

В глазах сентябрило...

Мечты прельщали ЖЕСТокой неутомимикой...

Я грубо симпатизировал...

Я был до невероятности наМ.А.Г. ничен...

Я блевал недожеванными кусочками декабря в серенькую урну ноябрьского пессимизма...

Из влагалища моего воображения периодически выползали розовые, кричащие Шедевры...

Неуместная торжествуемость повсюду меня преследовала...

Я с трепетом раздавался...

Я изнемог.

25 декабря

А – ккатись все к ебеней мматери!!!

26 декабря

Ах, прекратите Леонид Самойсенко. Ведь все это – не так! Одним словом – скверная чистота.

С 11-и до 11.30. – коллективно составляли новогоднее послание тетушке у дверей 428-й комнаты.

В 11.30. принялись строить умопомрачительные прожекты на ночь. Я вынужден был отвергнуть ее предложение пойти на улицу – меня не пленяли перспективы многочасового дрожания на скамейке и даже ее обещание закутать меня в свой платок. В свою очередь, ее не прельстило мое предложение пройти к окну Полидвы и пропеть ей пару похабных серенад.

В 12 часов я попытался отвернуться от назойливого оппонента и вновь углубиться в «разрушение личности».

С 12.00 до 12.15. – Музыкантиха предприняла несколько попыток лишить меня Горького – любовь моя к Горькому победила жажду романтики и ночных прогулок, я мужественно защитил творения своего любимца от наглых притязаний распоясавшейся хулиганки.

С 12.15 до 12.30. устно выражали недовольство по поводу обилия целующихся пар и восторгались трудолюбием Муравьева. В 12.30., с обоюдного согласия, приняли незамысловатое решение пройти по мосту через Язу и для разнообразия раздеть пару прохожих.

С 12.30 до 1.00. разочаровывались в последнем решении, жаловались на уличный холод, внутренне содрогались при воспоминании о 2-х прошедших ночах, неудачно острили по поводу поцелуев и похабщины.

В 1.00. Музыкантиха пресытилась долгим стоянием и ежеминутными выражениями с моей стороны (не без влияния Горького) желаниями быть развращенным похабником.

С 1.00 до 1.15. Музыкантиха яростно намечала перспективы моего дальнейшего существования, а я в высшей степени устно выражал восхищение половой предприимчивостью Альберта Алферова.

В 1.15. устное выражение восторгов заставило пострадать мою шевелюру и одновременно возмутить мое Чувство Человеческого Достоинства.

В 1.20., в отместку за шевелюрные страдания шутиливо определил ее «жирной полуношницей» – и затем, внешне погрузившись в пролетарскую философию, упивался трогательной молчаливостью и похвальной терпеливостью оскорбленной.

С 1.30 до 2.00. выражал недовольство ее мрачностью, убийственно заискивал и лицемерил, предпринимал отчаянные попытки рассмешить оскорбленную и к 2-м часам с удовлетворением констатировал обоюдное ржание.

В 2.00. – решили занять угловой стол и выкурить Рубцова.

С 2.00. до 2.30. дискутировали насчет Космоса нарочито громкими голосами, одновременно констатируя мысленно раздражительное воздействие дискуссии на Рубцова и на Космос.

В 2.30. – облегченными вздохами и пантомимическим хихиканьем проводили до угла изможденного Рубцова – и решили откровенничать и безобразить.

С 2.30 до 2.45. жгли старые открытки, произносили над огнем заклинания, хихикали и осуждали западные моды.

В 2.45. – Музыкантиха доставила внушительную грудку своих фотокарточек, и под угрозой физического воздействия я вынужден был восхищаться каждой в отдельности.

С 2.45 до 3.30. – созерцали фотографии, безнравственно хихикая, пинаясь под столом ногами и осуждая аморальное поведение коридорной пары.

В 3.30. – умственно плевали на фотографии и решили незамедлительно сжечь негодные.

С 3.30. до 4.00. – жгли, меланхолически любовались пламенем, разменивались комплиментами, курили и предприняли несколько неудачных попыток завязать драку.

В 4.00. я вынужден был храбро встретить прилив материнской ласки со стороны моего оппонента и отверг ее полушутиливое предложение кровью подписать совместный клятвенный контракт.

С 4.00. до 4.30. – взвешивали все способы вытягивания друг из друга крови для подписания «контракта», дружно осуждали алкоголизм и восхищались мрачностью фланирующего мимо В. Муравьева.

С 4.30. до 4.45. безуспешно пробовали стричь друг другу ногти и столь же тщетно пытались определить, чьи конечности чище и эстетнее.

В 4.45 я презрительно обнажил всю безидейность ее предложения выйти подышать свежим воздухом и посидеть в снегу.

С 4.45. до 5.00 – освятили своим присутствием комнату Никоновой, жаловались на однообразие трофеев. Пили из горлышка лимонад, грызли яблоки, изучали траекторию летящих огрызков; при воспоминании о Мичурине продемонстрировали обоюдный скепсис.

5.00. – совершенно некстати вспомнили 15-е декабря, постигли весь ужас имевшего места инцидента, обменялись мрачными взглядами и не менее мрачными идиоматическими выражениями.

В 5.15. с похвальным единодушием изъявили желание заниматься.

С 5.15. до 5.45. нехотя читали, изредка переихихиваясь и надменно следя эволюцию трамвайного парка.

В 5.45 дружно протирали глаза и выражали ужас перед лицом Времени и Бессонницы.

С 5.45 до 6.15. флегматично хлопали глазами, курили, лениво друг друга оскорбляли, внимая треску репродукторов и будильников.

В 6.15 – по-прежнему флегматично сдули пепел со стола, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись.

Только и всего.

И все прежние дни – так.

Так что уж и без похабных намеков, Л.С!

27 декабря

Пусть Время туго обтягивает свои прелести!

Все равно – не прельстит! —

Последние четыре проползут бесследно! —

И <этот отвратительнейший год> с грохотом полетит в пизду!!

6.15. ночи.

28 декабря

«...Он! Он объяснился! Я на крыльях влетела в общежитие и весь вечер занималась с упоением...»

(Р. Гуржибекова, «Дневник», стр. 531)

«...И угораздило же меня, братцы, втюриться в эту Р. Гуржибекову... Тут, понимаете ли, Бомарше на носу, Корнель и все такое прочее... Завтра, понимаете ли, нужно на зачет тащиться с утра, и на последнюю ночь я возложил такие надежды...

И вдруг – на тебе!

Сижу я это, значит у окна, рыгаю шницелем и цежу сквозь зубы: «Экгоф в роли Доримона – настоящий Доримон... Tot linguae quot membra viro...» вдруг вижу – едакой экстравагантной походкой и со стулом в обнимку приближается ко мне объект моей сессионной страсти... Ну я, понятное дело, без промедления пронзил взглядом ее перси с претензией на осетинскую пышность – и восхищенно процедил: «Этт, в алилуйство мать, а?» Она, конечно же, спервоначалу побледнела, то-бишь похолодела, потом это, значит, эвакуировала в толщу ланит весь запас своих эритроцитов и грузно опустилась на свою ношу...

Я, как истый сибиряк, незамедлительно смекнул, что даже самая развратная женщина, будь то хоть дьявол или студентка МГЭИ, – не будет румяниться, ежели постигнет благоуханную невинность подобной ситуации – что вот, мол, циничные взгляды подвергают массажу ее прелести и все такое прочее... Я, конечно же, без околичностей допер своим пролетарским умишком, что по нечаянности пронзил взглядом не только перси, но и то, что стыдливо прикрывается оными...

Но ведь вы сами понимаете, что у меня и в мыслях-то моих пролетарских не было охоты так глубоко пронзать... Ну, сами посудите, – начнутся вздохи и шевеления, а у меня Корнель на носу, Расин, Бомарше и все такое прочее... Я, конечно же, внутренне исплевал высокие чувства и невозмутимо продолжал шамкать «Роксолану», периодически рыгая шницелем... А сам все смотрю идиотски на ее эти самые-то, хе-хе-хе, и стараюсь сдерживать в себе и отрыжки

пницеля и позывы плоти... Но, в конце-то концов, – ведь я мужчина, и неуместное колыхание персей в такой опасной близости, граждане, смутит самого Кекконена... Я, понимаете ли, не мог равнодушно созерцать все эти вещички... Я стиснул зубы и, сдерживая дрожь в голосе, изрек: «Уйдите, милая, и не подымайте во мне»... так и сказал: «не подымайте во мне...»

И вот что, братцы, удивительно – она все поняла и поспешила обвертикалиться; но узрев всю прелесть ее необъятных и тем не менее удаляющихся бедер, – я вспыхнул, я прочувствовал в един секунд всю силу своих животных позывов... и я бы с удовольствием занялся самобичеванием, граждане, но – подумайте сами – завтра зачет, объяснение в деканате, Лесаж, Корнель, Расин, Д'Онэ, Дидро, Вольтер, Бомарше – и все такое прочее...»

(Ю. Романеев. *«Избранные сенсации»* стр. 27)

«И в 24 года – разрушена первая любовь!
Мгновения счастья утекли безвозвратно!..
Сегодняшний вечер окатил меня ушатом холодной воды.
Она сидела с Романеевым и любезничала.
И оба были красны и довольны.
За такие дела у нас в лагере морды били.»

(Н. Рубцов. *«А уж я ли, кажется...»*, стр. 31)

«Милый ты мой, у тебя просто нет чутья. Я лично вполне одобряю романеевские вкусы; посмотри-ка на нее сбоку хорошенько – уэ-э-э-э! – а ежели с тыла – так натурально Елизавета Гассекс, Амалия Вейсе и, если угодно, – госпожа Дорсенвиль! Воплощенная кротость! Хе-хе-хе! Неизменный идеал! Непреходящий кумир! Идеолог телесной шедевральности!.. Трам-пам-пам...»

Дика как лань, дитя Кавказа,
Пурум-пум-пум. Пурум-пум-пум...»

(В. Скороденко. *«Половая аудиенция»*)

«Я встал, застегнул ширинку, в последний раз затянулся горьковатым дымом папиросы и вышел в коридор. Необычная тишина заставила меня вспомнить о дневном шуме, когда этот коридор заполняется до отказа веселыми девушками и юношами, – они разговаривают об экзаменах, о любви. Но теперь все было тихо, и только слышны были на лестнице звуки ночных поцелуев. Эти звуки обострили мое одиночество и заставили вспомнить о догорающей любви... Да! Пепел, пепел – вот все, что осталось от ноябрьского увлечения... Погруженный в такие раздумья, я еще раз проверил, надежно ли застегнута ширинка, завернул за угол и вдруг увидел ее...»

Она, сука, сидела с Романеевым и о чем-то беседовала... Я хотел было свернуть вправо, но вдруг увидел, как она неожиданно встала и направилась ко мне. Радости моей не было границ, я моментально вспомнил о прошлых ссорах с ней и сразу же простил ей все...

Она тихо сказала «Здравствуй», – и тут я как будто впервые заметил, как она прекрасна. «Какие у нее полные и вместе с тем влекущие, как призывы КПСС, округлости», – сказал я сам себе и затем предложил ей пойти распить со мной бутылку хорошего вина. Она не отказалась и пригласила меня в свою комнату.

Но откуда мне было взять бутылку хорошего вина, если у меня всего-навсего маленькая московской? Я быстро сообразил, в чем дело, влил в старую винную бутылку всю водку, долил красной тушью и катаевским одеколоном, затем стащил у Спиро сахар и побросал кусочками. Получилось настоящее вино.

Через десять минут она уже открывала мне дверь и с радостью сообщала, что все девочки ушли на 10.45 в кино и что нам никто не будет мешать. Войдя в комнату, я осторожно закинул

за петли все три крючка и закрыл дверь на ключ. Она ничего не заметила или, вернее, сделала вид, что не заметила, и это еще больше влило в меня уверенности, что она все-таки еще любит меня.

Я сел рядом с ней и через две секунды уже был опьянен ее близостью. Мы молча сидели, смотрели друг другу в глаза и упивались взаимной любовью. Мы совсем забыли про вино, к моему счастью.

Вдруг она очнулась от блаженного забытья и шепотом произнесла: «Через полчаса придут девочки из кино», – и этими словами как будто говорила: «Чего же ты сидишь? Неужели ты меня больше не любишь?»... И как только я это услышал, я ласково обвил рукой ее прелестную талию. Она ничего не заметила или, вернее, сделала вид, что ничего не заметила, и это еще больше меня возбудило. Я схватил ее в охапку и прижал к своей груди. По небу плыли разорванные облака и ярко светил месяц.

Она всем своим нежным девичьим телом прижималась ко мне, – я ощущал усиленное биение ее сердца и расстегивал ширинку.

Вдруг она сама потянулась к кровати, вытянув свою прекрасную шейку и потянув меня за собой – и я упал на ее стройное девическое тело.

Через две секунды ее туфли и чулки уже валялись где-то в углу, а платье и рубашка где-то в другом углу. Я встал за шкаф и обезопасил свой орган резинкой, а она стояла в трусах посреди комнаты и, опустив руки, смотрела на луну... Вдруг я вспомнил, что она еще в трусах.

На небе ярко светил месяц и плыли разорванные облака. Я встал на колени и сдернул с нее трусы. Через секунду они валялись где-то в углу, а я схватил ее в охапку и потащил к постели. Я ощутил под своей грудью ее упругие девичьи груди, я впился губами в ее нежные губки и (.....) ляжек. Она лежала молча, закрыв глаза, и только иногда шептала:

«Милый! Кгм! Какой вы бык! Кгм!...» Через десять минут мы уже выходили из комнаты... На душе было очень скверно, нам обоим было просто стыдно взглянуть в глаза встретившемуся Муравьеву...

Через 2 секунды я уже заходил в свою комнату, предварительно проверив, хорошо ли застегнута ширинка.

Еще через 2 секунды я уже сидел на своей кровати и затягивался горьковатым дымом папиросы.»

(Л. Самосейко, «Далекие и близкие», стр. 436–444)

«За весь вечер один, только один взгляд!
И снова – неудовлетворенность!
И опять эта интуитивная боязнь за благополучие исхода!
Опять эта режущая боль в висках!
Цепь ассоциаций... цепь ассоциаций...
К чорту! К чорту! К чорту!»

(В. Муравьев, «Глубокомыслие»)

29 декабря

О, я хорошо понимал его! Он считал ниже своего достоинства падать на глазах у толпы. Он мог бы присесть, опуститься к подножию, но мороз совершенно его закочил. У него не сгибались конечности.

Нет, совершенно серьезно, – у него были красные руки, и он плакал... Я готов спорить на что угодно, что он действительно плакал.

И потом, – я же слышал, слышал эти истерические всхлипывания. Не мороз же выдавливал их из него! И не извержение рвоты, в конце концов, сотрясало ему плечи!.. Неужели же блевота может так бешено содрогать?!

Бросьте вы это! Он не чета вам! Он действительно орошал слезами фонарный столб и теребил его красными руками...

И вы думаете, меня смутили его всхлипывания, – и я дал ему огня?

Хе-хе-хе-хе, я слишком им восхищался, чтобы отравлять его. Я просто плюнул на соседний столб, – идиотски хихикая, потряс четвертинкой и через полминуты уже погружался в Яузский туман...

30 декабря

Да, да! Войдите! Тьфу, чорт, какая идиотская скромность...

Ну, так как же, Вл. Бр.? Вы отказываетесь? А у вас, это, между прочим, так неподражаемо: «...На-а-а зем-ле-е-э-э ве-эсь род...»

А мнения все-таки бросьте, пожалуйста... И «женскую душу», и «женскую натуру» – тоже бросьте... Да и возлагать на меня не стоит...

Другое дело – он!.. Он – исключительность, квинтэссенция благородства... Кстати – «lupus in...» и в зеленых пятнах! Ах, милый рарап!

О! На вас жilet... и вы благоухаете! Фу, как противно же от вас пахнет... Да уйдите же! Уйдите! Слышите? Я не хочу вас! Не хочу!.. Мне противно на вас смотреть, рарап!..

О боже мой! Сколько же можно блевать! И это – после двух крохотных винегретов! Что? Трех?.. Да бросьте вы, не морочьте мне голову... Как сейчас помню, вы проглотили два винегрета – и угрожали ножом взвизгивающей тапан... Хе-хе-хе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.